

Татьяна ДЖАНГОБЕКОВА

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ
(на материале «Истории о великом князе Московском» А. Курбского)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 22.

УДК 811.161.1'367.624'04;

Джангобекова Т. Пасивні дієприкметники в предикативній функції (на матеріалі «Истории о великом князе Московском» А. Курбського); 12 стор.; кількість бібліографічних джерел — 16; мова російська.

Анотация: У статті Т. Джангобекової «Пасивні дієприкметники в предикативній функції (на матеріалі «Истории о великом князе Московском» А. Курбського)» розглядаються структурні особливості пасивних дієприкметників у предикативній функції під кутом їх співвідношення з нормами церковнослов'янської мови російської та української редакції.

Ключові слова: пасивні дієприкметники, предикативна функція, форманти, редакції церковнослов'янської мови.

Summary: In the article by T. Dzangobekova «Passive participles in a predicative function the structural features of passive participles» are examined in a predicative function in contacts of its correlation with norms church Slavonic language of Russian and Ukrainian variant (for example of «History Moscow's Great Duke» by A. Kurbskij).

Keywords: passive participles, predicative function, suffices, releases Church Slavonic language.

Несмотря на то, что А. Курбскому был посвящён целый ряд исследований в XIX в. и заметно возрождается интерес к личности мятежного князя в настоящее время [см. 1, 9, 14, 16 и др.], особенностям языка его произведений по-прежнему не уделяется достаточного внимания, поскольку главным аспектом имеющих разысканий являются взаимоотношения беглого боярина и царя Ивана IV (Грозного). Интерес к особенностям языка А. Курбского обычно ограничивается проблемой влияния польского языка [см.13 и др.], которое, по справедливому замечанию М. В. Ляпон, отличается явным преувеличением. Известно, что западнорусский язык длительное время был государственным языком Литвы, т. е., по мнению Е. Ф. Карского, «органом умственной, нравственной и политической жизни целого народа» (Цит. по: [11, с. 233]). Это поднимало авторитет русской части населения Литвы, особенно в столице и в прилегающих к Вильне областях. М. В. Ляпон считает, что при оценке языковой ситуации в этом регионе Руси важно учитывать преобладание общевосточнославянских черт и регулирующую роль церковно-славянского языка, являвшегося своеобразным «конденсатором» на всей территории вос-

точного славянства [11, с. 231]. Настоящая статья, связанная с нашим исследованием предикативной структуры текста в «Истории о великом князе Московском» (далее - История) А. Курбского, посвящена рассмотрению преимущественно структуры зафиксированных в указанном памятнике причастий страдательного залога в предикативной функции. В нескольких публикациях мы отразили результаты анализа особенностей использования временных форм глаголов [1], а также действительных причастий в предикативной функции [2]. Цель данной статьи – проанализировать особенности структуры кратких страдательных причастий настоящего и прошедшего времени в аспекте определения возможного влияния юго-западных книжных традиций и украинско-польской языковой среды на московскую книжно-письменную традицию, которой высокообразованный автор владел изначально.

В таблице 1 представлено количественное распределение кратких страдательных причастий, зафиксированных в Истории А. Курбского, с учётом вида мотивирующего глагола, временной принадлежности причастия, структуры главного члена (без связки / со связкой) и формы связки.

Таблица 1. Страдательные причастия в предикативной функции

Вид:	НЕСОВЕРШЕННЫЙ		СОВЕРШЕННЫЙ		Всего:
	настоящее	прошедшее	настоящее	прошедшее	
Время:	БЕЗ СВЯЗКИ				
	16	13	1	199	229
Форма связки:	СО СВЯЗКОЙ				
настоящее время	10	4	–	10	24
будущее время	–	–	–	2	2
Л-форма	8	4	1	38	51
аорист	–	–	–	15	15
другие формы	3	–	–	5	8
Всего:	21	8	1	70	100
Общий итог:	37	21	2	269	329

Как показывает таблица 1, в тексте Истории А. Курбского зафиксировано 329 страдательных причастий в предикативной функции. Явно преобладают словоформы прошедшего времени, мотивированные глаголами совершенного вида, – 269 примеров против 21 производного от глаголов несовершенного вида. Количество страд. причастий настоящего времени равно 39 словоформам, большая часть из которых (37 примеров) мотивируется глаголами несовершенного вида. Обращает на себя внимание преобладание страд. причастий, употребляемых без связки, – всего 229 примеров. Количество словоформ, зафиксированных со связками, составляет 100 примеров, т. е. их в 2,3 раза меньше, чем словоформ без связки. В функции связки чаще всего выступают л-формы от глагола быти (51 пример) и формы настоящего времени (24 примера). Сравнительно часто (15 примеров) в роли связки функционируют формы аориста.

Рассмотрим структурные особенности страд. причастий, представленных в тексте Истории А. Курбского. Формообразующую базу для страдательных причастий составляют прежде всего переходные глаголы. В нашем материале эта закономерность выдерживается достаточно последовательно. Образования от непереходных глаголов, по мнению И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, являются особенностью живого языка [7, с. 381].

Страдательные причастия наст. времени считаются классом форм, в целом заимствованным из старославянского языка. На протяжении всей истории русского языка они оставались сугубо книжной категорией. По данным И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, из 383 страд. причастий настоящего времени, зафиксированных в источниках XI – XVII вв., 44% (167 словоформ) встречаются только в памятниках церковно-книжного характера. Поэтому история страд. причастий наст. времени сводится лишь к изменению круга глаголов, служащих их производящей базой. Формообразовательная структура этих причастий остаётся неизменной с XI в. до наших дней [7, с. 366-368] и зависит от класса мотивирующего глагола. Используя классификацию славянских глаголов А. Шлейхера – А. Лескина, страд. причастия наст. времени от глаголов НСВ, зафиксированные в Истории А. Курбского, мы распределили следующим образом:

1 класс: глаголом *вещи* мотивируется причастие *влекомы* (алломорф -ом-). По формальным показателям к этому классу следует отнести и причастия *вѣдомъ* и *неведомо*: в Словаре русского языка XI-XVII вв. глагол 5-го класса *вѣдѣти* «знать, ведать» имеет вариант *вѣсти* [2, с. 45], относящийся к 1-му классу. Именно с этим вариантом структурно совпадает причастие *вѣд-ом-ъ*;

3 класс: *венчаеми, вопрошаемъ, дѣйствуемо, заглажаеми, имаеми исполняемо, отгоняемо, питаеми, подвизаемо, поражаеми 2, превозрастаемо, прославляем, пуцаемо, разъседаеми, соблюдаеми, содѣловаемо, сохраняеми* (алломорф -ем-);

4 класс: *гонимъ, -о; зримъ, любимъ, мучимъ, -и; носими, нудимъ, славимъ* (алломорф -им-).

Как показывает приведённый перечень страд. причастий наст. времени, в сочинении А. Курбского преобладают образования от глаголов 3-го класса. 7-ю примерами представлено причастие *вѣдомо, -ъ* «известно, известный», которое относится к числу широко употребительных словоформ в памятниках разного времени [7, с. 367]. Производные от глаголов 2-го и 5-го классов в Истории А. Курбского не выявлены.

Нами зафиксировано 2 причастия от глаголов СВ – *оклеветаемо* и *непоколебимъ*, причём последняя словоформа мотивируется глаголом 4-го класса *поколебити*, который, по данным Словаря русского языка XI-XVII вв., не отличался высокой частотностью своего употребления: в словаре приводится только два примера из памятников XVI и XVII вв. [13, вып. 16, с. 167]. Словоформа *непоколебимъ* в тексте А. Курбского функционирует, видимо, как прилагательное. Ср.: *Германь... обычае лукаваго и обыкновенного ихъ (иосифлянскихъ мнихов) лицемѣрия не причастень быль, но человекъ простый, истинный и непоколебим в разумѣ...* [10, с. 366]¹. В целом девербативы с алломорфами -ом-, -ем-, -им- не образуют внутренне единой группы, поскольку её компоненты, преимущественно сложные слова и многочисленные образования с частицей *не*, характеризуются разной степенью адъективации.

Особенности структуры страд. причастий прошед. времени представлены в таблице 2, в которой указывается класс мотивирующего глагола, его видовая принадлежность, а также формообразующие суффиксы причастий:

Таблица 2. Структура страдательных причастий прошедшего времени

Классы: Форман- ты:	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	Всего по формантам:
СОВЕРШЕННЫЙ ВИД						
-н-	<i>закланъ попранны созженъ</i>	–	<i>воспитанъ написанъ посланъ</i>	–	<i>данъ придано созданъ</i>	47

-ен- (-вен-)	возведень заколень убиень	ростягнены	–	оставлень погашень просвещень	сьвѣденна незабвен- ны	193
-т-	взяты надутъ убитъ	приснопомя- нуты	–	–	–	29
Всего по классам:	112	3	29	115	10	269
НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД						
-н-	–	–	истязаны куповано	держанъ слышанъ	–	12
-ен-	речено	–	–	мучень ставлено	–	8
-т-	бито	–	–	–	–	1
Всего:	2	–	7	12	–	21
Общий итог:	114	3	36	127	10	290

Как видно из таблицы 2, особенности образования анализируемых причастий от глаголов различной видовой принадлежности в целом совпадают, однако основу формообразующей базы страд. причастий прошед. времени, как указывалось выше, составляют глаголы СВ. В нашем материале количество причастий, мотивированных этими глаголами, почти в 13 раз превосходит количество образований от глаголов НСВ (соответственно 269 и 21 пример). По мнению ряда исследователей, страд. причастия, мотивированные глаголами НСВ, чаще встречаются в памятниках, отражающих черты народно-разговорного языка.

Рассмотрим структуру страд. причастий прошед. времени с учетом класса мотивирующего глагола. Типичным показателем этих словоформ является суффикс *-н-*, который присоединяется непосредственно к основе на гласный. Такой способ образования анализируемых причастий последовательно реализуется только в группе производных от глаголов 3-го класса: *воспитати* > *воспитанъ*, *копати* > *копанъ*. В наиболее многочисленном по количеству примеров 4-м классе указанный способ образования причастий характерен для небольшой группы производных от глаголов на *-ати*: *держати* > *держанъ*, *слышати* > *слышанъ*. Аналогичные примеры зафиксированы и от тех глаголов на *-ати*, которые этимологически восходят к 1-му классу: *избрати* > *избран*, *изнати* > *изнан*, *попрати* > *попранны*, *призвати* > *призван*. Кроме того, суф. *-н-* представлен в образованиях от глагола 5 класса *дати* и его производных: *данъ* (3 примера), *отдан* (2 примера), *придано*, *созданъ*.

Высокая частотность употребления присуща и алломорфу *-ен-*, в котором *-е-* по происхождению является соединительным гласным между основой на согласный и суф. *-н-*. Такие основы характерны прежде всего для глаголов 1-го класса: *вывести* > *выведени*, *наречи* (*parekti) > *наречен*, *обрести* > *обретен*, *погрести* > *погребени*, *привезти* > *привезен*, *привлещи* > *привлечен* и др. К

этой группе примыкает и причастие *созжен* (орфография текста) от глагола *съжечи* > *съжьєгу*, *съжьєжеши*, корень которого в XVI в. имел форму *-жж-*. Причастие *вверженъ*, мотивированное глаголом 1-го класса *ввергти*, сохраняющимся в современном украинском языке наряду с глаголом 2-го класса *ввергнути*, на наш взгляд, можно квалифицировать как украинизм. К украинизмам относится и причастие *заколень* от праславянского глагола *zakolti. В современном украинском языке сохраняется исконная форма *заколень* наряду с новой формой *заколотий*, мотивированной глаголом *заколоти*, в корне которого дифтонгическое сочетание *ol изменилось в полногласие *olo. Параллельные формы страд. причастий имеет большинство украинских глаголов, в корнях которых были дифтонгические сочетания *ol и *or: *молотий* и *мелений*, *поротий* и *порений* [4, с. 366]. Ср. зафиксированное в Истории А. Курбского причастие *закланъ* от глагола *заклати* со старославянским неполногласием.

Наиболее последовательно алломорф *-ен-* представлен у производных от глаголов 4-го класса (в нашем материале имеется 100 таких примеров): *платити* > *плачено* (*т'/ч*), *принудити* > *принужденъ* (*д'/жд'*), *просветити* > *просвещень* (*т'/щ*), *удавити* > *удавлен* (*в'/вл'*), *украсити* > *украшен* (*с'/ш*), *утвердити* > *утверженъ* (*д'/ж*) и др. Характерной особенностью страд. причастий прошед. времени, мотивированных глаголами 4-го класса, является так называемое йотовое чередование согласных звуков, которое в тексте Истории А. Курбского выдерживается последовательно, причём отмечены как исконно восточнославянские чередования (*д'/ж*, *т'/ч*), так и книжные, южнославянские по происхождению, (*д'/жд'*, *т'/щ*).

Алломорф *-ен-* (*-енн-*) зафиксирован также у причастия *сьвѣденна*, мотивированного глаголом 5-го класса *ѣсти*. У старославянизма *не забвенны* (от глагола 5-го класса *забыти* [15, с. 5]), выделяется алломорф *-вен-*.

Следует обратить внимание также на причастия-украинизмы *покиненъ* и *ростягнены*, которые мотивируются глаголами 2-го класса *покинути* и *ростягнути*, однако их основы совпадают с основами настоящего времени, а не инфинитива (ср. укр. *покинеш*, *ростягнеш*). В современном украинском языке от глаголов 2-го класса образуются параллельные формы страд. причастий – с суффиксами *-т-* и *-ен-*: *покинутий* и *покинений*, *розтягнутий* и *розтягнений* [4, с. 366]. В анализируемом тексте зафиксировано также адъективированное причастие от глагола 2-го класса *приснопомянуты* с суф. *-т-*, в котором полностью сохраняется мотивирующая основа инфинитива *помяну-*, что является характерной особенной страд. причастий этого типа. Но в анализируемом тексте такие причастия не представлены.

Наряду с алломорфами *-н-* и *-ен-(-вен-)* в Истории А. Курбского имеется несколько страд. причастий прошед. времени, образованных при помощи суффикса *-т-*, который последовательно употребляется только в производных от глаголов 1-го класса с этимологическим корнем *-я-* (из *ѣ носового) и *-у-* (из *ѡ носового): *взятъ* (6 примеров), *объятъ*, *отнято*; *надутъ*. В ряде случаев наблюдается конкуренция суффиксов *-т-* и *-ен-*. Ср.: *бито*, *побиты*, *-о* (7 примеров), *разбиты*, *убит*, *-о* (6 примеров), с одной стороны, и *избиени* (2 примера), *побиени* (8 примеров), *убиень*, *-и*, *-а* (31 пример) – с другой. Алломорф *-ен-(-вен-)* в старославянском языке за счет сужения сферы употребления суффикса *-т-* представлен шире, чем в древнерусском: *забъвенъ*, *съкръвено*, *убиен* и др. [7, с. 374]. Употребление суффикса *-н-* вместо *-т-* известно многим современным говорам на юге и центре России [8, с. 90-98]. В нашем материале формы типа *убиень* зафиксированы в тех частях текста, которые можно квалифицировать как мартиролог жертв царя.

Таким образом, структурное единообразие (основа инфинитива + суф. *-н-*) характерно только для страд. причастий прошед. времени, мотивированных глаголами 3-го класса. Наибольшим структурным многообразием отличаются причастия, мотивированные глаголами 1-го класса. В этой подгруппе представлены все формообразующие суффиксы (*собрани*, *выведены*, *розбиты*). Кроме того, в ряде случаев наблюдается конкуренция суффиксов *-т-* и *-ен-* (*убитъ* / *убиень*). Страдательные причастия прошед. времени, которые по их структурным особенностям могут быть квалифицированы как украинизмы, в Истории А. Курбского представлены единичными примерами: *заколени*, *покиненъ*, *розтягнены*.

Причастные сказуемые представляют собой сложное и многообразное явление. Они имеют разнообразные значения – от обозначения признака до простого глагольного действия [5, с. 91]. Исследователи обращают внимание на наличие зависимости между видовой принадлежностью

причастия и его синтаксической функцией. Так, краткие страдат. причастия прошед. времени от глаголов СВ издавна морфологизировались в грамматической функции обозначения страдательности. Этим причастиям, как правило, присуще перфектное значение. Предикативные причастия несов. вида в истории русского языка характеризуются постепенным угасанием [7, с. 383-384].

Предикативные страд. причастия наст. времени в русском языке XI-XVII вв. являются признаком книжного стиля. Они фиксируются в основном в памятниках конфессионального содержания и в летописях. Однако со временем эти причастия закрепляются в официально-деловой письменности, а затем – в языке науки [7, с. 371]. В истории А. Курбского преобладают полные страд. причастия наст. времени в роли определенных (62 примера): *...а что потом послѣдовали дѣлы, исполняемые скверности и нечистоты, сие совести ихъ пиущю лучше вѣдати* [394]; *Стратилаты <...> имѣюще вожей добрых, вѣдомых о мѣсцахъ, обыдоша чрезъ лесы вкол...* [302-304]. Имеются примеры субстантивации этих причастия, которая, как известно, считается особенностью книжного языка: *...сам буди милосердъ над гонимыми отъ тебя бес правды* [374]; *...бо и при нечестивыхъ мучителѣхъ <...> неисповѣдающихъ и крѣмыхъ внутрьъ вѣру, аще и ту стоящихъ, аще и знаемыхъ <...> не имано и не мучено* [326]; *Но яко а ни богъ, а ни тѣ избиенные отъ челоукоубийцовъ древнихъ того не желали, иже бы неповине избиени были* [324]; *...всѣ во градъ ринулося, и лежащая глаголемые раненые воскочиши, и творящаяся мертвья воскресоша* [252]; и др. В предикативной функции, как указывалось выше, зафиксировано 39 страдат. причастий наст. времени: 17 предикативных причастий без связки и 22 – со связкой, т. е. преобладают конструкции, характерные для книжной речи. Ср.: *...евангелскихъ заповедей отрицатись. А что глаголю: евангелскихъ? И естественных, яко рѣхъ: которые в поганскихъ языцехъ соблюдаем и сохраняем, и сохраняются будут...* [370]; *И поражаемъ суть и гонимы не единократъ отъ бусурманъ християне* [296]; *...християня <...> имаем и мучими были...* [326]; *...ихъ богатствъ ради и стяжания оклеветаемо отъ тѣхъ* [326].

Страд. причастий прошед. времени в тексте имеют пассивно-перфектное значение. По мнению Ю. П. Князева, термин «причастие» применительно к кратким причастиям на *-н*, *-т* отражает только их морфологическое строение: сочетание глагольной основы с адъективными суффиксами. Исследователь разграничивает по значению конструкции типа *письмо написано* (обозначает законченность действия при наличии результатов в настоящем), и *письмо было написано* (простая констатация действия, совершенного в прошлом), сравнивая их с разграничением перфекта и аориста [6, с. 495-497]. Наиболее специфичными призна-

ются причастия на *-н-*, способные обозначать как завершённое действие, так и состояние, являющееся результатом этого действия. Без связки в двусоставных предложениях Истории А. Курбского зафиксировано 129 предикативов, имеющих аористное значение: *Тогда же убиень от него брать стрыечны жены его...* [346]; *Владимерь <...> много лѣт темницею от него мучень* [352]. Количество сказуемых с причастиями на *-н-*, *-т* без связки в аористном значении увеличивается после XIV в. П. С. Кузнецов рассматривал это как влияние западной традиции. В качестве примера он приводит сочинения А. Курбского [Цит. по: 5, с. 96].

Предикативы со связкой в анализируемом тексте представлены 67 примерами: *Бо вѣмъ сие добръ, иже подвиги <...> воиновъ не суть забвенни <...> но и власы изочтени суть* [302]; *...исчезаютъ и от простых людей <...> у которых бывають на сердцахъ скрыжалей написаны <...> слова заповедей* [342]; *...были ты даны на послужение церкви* [336]; *Его былъ отецъ от татаръ <...> убить* [344]; *Жена же и дѣти его отведены быша, яко плѣнники* [346].

В односоставных безличных предложениях зафиксировано 94 примера предикативного употребления страд. причастий прошед. времени, из них в 83 случаях (88%) наблюдается отсутствие связки. Исследователи отмечают, что такие предложения, будучи безличными, не лишаются специфики пассивной конструкции [5, с. 230]. В XI–XIV вв. страдательные причастные предикативы употребляются редко и не отличаются разнообразием лексического наполнения. Это предопределялось их сугубо разговорным характером. Со временем они приобретают стилистическую нейтральность. Широко распространившиеся в XVI–XVII вв. страдательные причастные предложения с обстоятельственным компонентом ряд исследователей квалифицируют как признак западнорусского влияния. Во всяком случае, в письменности юго-западных территорий эти конструкции представлены в изобилии [5: 284–287, 290]. Ср.: *На той же битве и гетмана его Дивую-мурзу изымано жива* [336]; *...поколь было имень ко монастырю тому не взято и нестяжательно мниси пребывали* [368]; *Бо уже бы и великих дѣлъ с Москвы припроважено тамо немало* [282].

В завершение отметим, что для отдельных частей Истории А. Курбского, описания взятия Казани например, характерна насыщенность страд.

причастиями прошед. времени в предикативной функции. Ср.: *И в то же время у нихъ подкопомъ воду отнято за 2 або за 3 недѣли до взятъя: бо ся тамо под вежу великую и под тайники подкопано, откуда они на вес град воду брали, и порохов поставлено аки двадесят бочек великихъ, и вырвало. И къ тому у нас вежу над обычай великую и высокую за две недѣли уроблено потаемене <...> и единыя ноци близу рва мѣскаго поставлено и на нея взношено стрелбы десят дѣл... И зѣло великую шкочу в мѣсте и во граде на всякъ день чинено с нее: бо до взятъя градскаго побито люду бусурманскаго военного... А яко е ставлено и яковымъ обычаемъ и иные различные стѣннотные хитрости творено, сие оставляю краткости ради истории, бо широце в лѣтописной русской книзе о том писано* [248]. Всего в этой части Истории А. Курбского зафиксировано 44 анализируемых причастия.

Таким образом, проведённое нами исследование показало, что в структуре кратких страдательных причастий в предикативной функции, зафиксированных в «Истории о великом князе Московском» А. Курбского, преобладают общевосточнославянские особенности. Только в отдельных случаях наблюдается влияние живой разговорной речи, характерной для Юго-Западной Руси (формы типа *вверженъ, заколенъ, покиненъ*). Церковно-славянская книжно-письменная традиция проявляется в таких образованиях, как *не забвенны, убиень*, т. е. в единичных случаях. Однако категория страдательных причастий настоящего времени в целом и особенно в предикативной функции является сугубо книжной. В данной статье мы только в общих чертах коснулись особенностей употребления анализируемых причастий (этой проблеме посвящена специальная статья, которая сейчас готовится к печати), и тем не менее, уже можно говорить о том, что употребление кратких страдательных причастий в предикативной функции отчётливо отражает юго-западные традиции (бессвязочное употребление в аористном значении и др.).

Основная перспектива данного исследования – сопоставить его с другими формами предикатива в «Истории о великом князе Московском» А. Курбского, чтобы представить цельную картину предикативной структуры текста этого сочинения, соединившего в себе несколько книжно-письменных традиций.

Примечания

¹ Далее при цитировании примеров из Истории А. Курбского указывается только страница.

Литература

1. Горский С. Князь Андрей Михайлович Курбский. – Казань: Изд-во книгопродавца Ивана Дубровина, 1858. – 445 с.

2. Джангобекова Татьяна. Система форм прошедших времён в сочинении А. Курбского «История о великом князе Московском» // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). Вип. 7: Російське і зіставне мовознавство. Мова художньої літератури. — Ужгород, 2004. — С. 116-127.
3. Джангобекова Татьяна. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе Московском» А. Курбского: структура и функции // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. — Ужгород. — 2008. — № 18. — С. 69-74.
4. Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М. Курс сучасної літературної мови. Вид. 4 / *Жовтобрюх Михайл Андреевич, Кулик Борис Николаевич.* — К.: Вища школа, 1972. — Ч. 1.
5. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Боровского. — М.: Наука, 1978. — С. 74-101, 230-295.
6. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / *Юрий Павлович Князев.* — М.: Языки славянских культур, 2007. — 704 с.
7. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова и В. В. Иванова. — М.: Наука, 1982. — С. 366-411.
8. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. — М.: Наука, 1971. — С.16-223, 260-263.
9. Кулагин Василий. Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века: www.voskres/oikumena/kulagin/htm
10. Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века / Сост. и общая редакция Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит-ра, 1986. — С. 218-399.
11. Ляпон М. В. Об отношении языка Курбского к русской литературной норме XVI века // Исследования по славянской филологии. — М.: Изд-во Московского университета, 1974. — С. 227-233.
12. Словарь русского языка XI-XVII вв. — М.: Наука, 1975, 1990. — Вып. 2, 16.
13. Тамань В. М. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. — С. 197-204.
14. Филюшкин А. Князь Курбский / *Александр Филюшкин.* — М.: Молодая гвардия, 2008. — 397 с.
15. Этимологический словарь русского языка / Под. ред. Н. М. Шанского. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1975. — Т. II, вып. 6.
16. Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. — К., 1889. — 219 с.

Джангобекова Тетяна Анатоліївна — аспірант кафедри російської мови УжНУ.